

18+

Суворов Сергей

ВОЛШЕБНАЯ МАСКА

Сборник рассказов

Сергей Суворов
Волшебная маска

«Издательские решения»

Суворов С. В.

Волшебная маска / С. В. Суворов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-568255-0

Этот сборник рассказов про нашу жизнь, но написан он в не совсем привычных формах. Каждый рассказ — это не просто какая-то история, а необычный, часто фантастический, мистический и обязательно интригующий сюжет, с юмором и, как правило, с неожиданным окончанием. Вы получите удовольствие от впечатлений, погрузившись в события и миры героев рассказов. Посмотрите сквозь волшебную маску, подаренную вам автором этого сборника.

ISBN 978-5-00-568255-0

© Суворов С. В.
© Издательские решения

Содержание

Волшебная маска	6
Про жизнь	11
Сруб	14
Загадочная планета	16
Старая дева	19
Осень	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Волшебная маска

Сергей Вадимович Суворов

© Сергей Вадимович Суворов, 2022

ISBN 978-5-0056-8255-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Волшебная маска

Смирнов заметно нервничал. Предстояла ответственная встреча с гостями концерна «Спектр», где он работал. Директором концерна ему было поручено эту встречу организовать на самом высоком уровне. Хотя он не раз проводил подобные мероприятия, волнение охватило его – сказывалось большое количество очень почётных гостей, их высокий статус и наступившие праздничные новогодние дни. В принципе он уже всё предусмотрел. Отдал соответствующие распоряжения службам сервиса, организовал обеспечение гостей транспортом, проживание в высококлассном отеле, но всё равно он нервничал. В программе встречи планировалось масса мероприятий: выступление известных артистов, шикарный банкет и в завершении шумный карнавал со сменой одежды, масками и танцами. Для чего было специально привезено около двух сотен карнавальных костюмов.

Вообще-то Смирнов считал себя хорошим организатором и специалистом. Ведь его бурная деятельность не знала границ. Он мог часами носиться по этажам центрального офиса, вынюхивая и выспрашивая обо всём и всех, а затем предоставлять шефу порой чьи-то новые идеи, проекты и предложения за свои. Он дополнял флегму директора своим неиссякаемым темпераментом холерика и видимо поэтому, несмотря на значительное количество замов, сотрудниками концерна, ему твердо был условно присвоен ранг «правая рука». Ему было позволено многое, что было категорически не позволено другим. Порой, он мог даже выйти без согласия шефа с заседания, или устроить на работу хорошенькую секретаршу. Он был ярким представителем жизненного принципа «бери от жизни всё» и он действительно брал, когда обстоятельства это позволяли.

Как на зло галстук, приобретённый накануне в очень престижном салоне одежды, никак не хотел завязываться правильным узлом. Материал галстука был плотным и скользким.

– А, чёрт! – подумал Смирнов. – Так можно и опоздать. – Надо ещё столько сделать перед приездом гостей.

Он сдёрнул галстук, расправил его и стал заново вязать узел.

– Да что ж это такое, чёрт побери! – вскричал он, когда узел опять не получился. – Чёрт знает что!

– Позвольте мне, – раздался голос сзади, – я Вам помогу.

Смирнов даже подпрыгнул от неожиданности и резко обернулся. Перед ним стоял высокого роста человек в строгом чёрном костюме, чёрной рубашке с глухим высоким воротом. Длинные тёмные, слегка волнистые волосы, были туго стянуты на затылке в пучок и висели хвостом до лопаток. Лицо его было бледным и продолговатым. Широкая улыбка говорила о дружеских намерениях её обладателя. Узкая длинная ладонь была протянута к рукам Смирнова, держащего галстук.

– Не беспокойтесь Анатолий Михайлович, я всё улажу – проговорил неожиданный гость. – Давайте же Ваш галстук.

Смирнов машинально протянул галстук и тут же спросил, нахмутив брови:

– А как Вы зашли, квартира-то заперта? Его глаза забежали, на лбу вопросительно собрались морщинки, его вид говорил о напряжённой работе ума.

– Меня зовут Аманурель, – гость белоснежно улыбнулся и, зажав в кулак неудачный узел галстука, тотчас же отдал Смирнову. – Одевайте, Анатолий Михайлович.

Смирнов с удивлением забрал галстук и увидел, что галстук безупречно завязан и, как ему показалось, стал как-то по-особенному переливаться. Он стал надевать галстук, через голову, пытаясь спросить:

– А....

– Да не волнуйтесь вы, – упреждая, перебил его Аманурель, – я Вам всё объясню. Понимаете, – подойдя вплотную к Смирнову, он элегантно взял его под руку, – Вы троекратно упомянули Имя, а это, при определённых обстоятельствах, вызывает в определённых сферах вызов. Я пришёл Вам помочь, ведь Вы же наш глубокоуважаемый клиент – Аманурель обворожительно улыбнулся. – Да Вы не спешите, мы успеем, я Вас мигом доставлю туда, куда Вам надо.

И тут Анатолия Михайловича осенило: Да это же новогодний сюрприз! Чья-то шутка! Но каков уровень! Неужели шеф придумал?

– Нет, нет – ответил, как бы на его мысленные вопросы гость. – Я совсем из другой сферы. Вернее, по-вашему – измерения... Впрочем, всему своё время.

– Свят, свят, свят – подумал Смирнов – Да это же, похоже, чёрт! Ну, не инопланетянин же?

– Не чёрт, а демон первой категории – поправил Аманурель, – но Вы не беспокойтесь, Вам от меня вреда не будет.

Смирнов пребывал в легком шоке. В голове возникли мысли:

– Наверно я чокнулся. Переработал... Он ещё и мысли читает. А может быть это всё и вправду?

Аманурель извлёк откуда-то большую тёмную бутылку и два бокала и, поставив на стол, проговорил:

– Анатолий Михайлович, выпейте-ка вот это вино – оно Вас взбодрит. Демон изящно налил в бокалы вина и протянул один ему. Смирнов, чтобы окончательно разобраться в ситуации, стал принимать пока что не сложные предложения гостя. Приходилось играть до определенной поры и он, взяв высокий бокал, быстро выпил содержимое.

– Напра-асно, – сморщив нос, улыбнулся демон, это же Шато Лафит 1816 года. Надо было Вам сначала оценить этот великолепный букет. Это вино так не пьют. Его медленно цедают, прижимая язык к нёбу. Чувствуете, что вино плотное в теле, со сложным ароматом и вкусом, с оттенками миндаля и фиалки? В тот год было жаркое лето...

Аманурель вновь подлил в бокал Смирнову вина.

– Н-у-у... – Смирнов почмокал губами, пытаясь почувствовать какие-то особые вкусовые оттенки. Он предпочитал более крепкие напитки. – Да, я чувствую очень изысканный вкус, приятное ощущение во рту..., но опыта у меня особого не было...

– Ну, это дело наживное. – еще больше заулыбался демон. – Когда Вы вольётесь к нам, Вы быстро привыкните к лучшему в этом мире. Всё зависит от Вашего усердия и преданности.

– Хм... – только и смог ответить Смирнов.

Через пятнадцать минут Смирнов был одет.

– Ну что ж, пойдём на встречу гостей. – сказал Аманурель. – Вы не беспокойтесь, для других людей я невидим, и Вам совершенно не буду мешать. Теперь закройте глаза на минуту.

Смирнов повиновался. Через несколько секунд, он ощутил лёгкое дуновение ветра, а затем, от резко нахлынувшего шума и яркого света, он открыл глаза. Он сразу узнал это шикарное фойе «Палас-отеля», из-за высоких колон украшенных резными капителями и зеркалами вдоль стен.

– Телепортация – подумал Смирнов, – да-а, похоже, всё очень серьезно.

Уже начинали собираться первые гости. Смирнов, то ли от выпитого вина, то ли от привычной многолюдной обстановки вдруг обрёл чувство самообладания и решительным шагом направился к столу администратора. Старый опытный Дмитрич с большими седыми бакенбардами, одетый в парадный фрак, завидев Анатолия Михайловича, привстал и, чуть согнувшись, отвесил приветственный поклон. Затем, выдержав небольшую паузу, сообщил:

– Прибывают-с Анатолий Михайлович, я думаю, скоро все будут-с.

– Хорошо Василь Дмитрич, хорошо, – ответил Смирнов, это – радует.

Он ринулся к цепочке гостей, отходивших от гардероба, и стал приветствовать и здороваться со знакомыми персонами. Увлёкшись этой деятельностью, он даже на какое-то время потерял и забыл о своем неожиданном госте и весь погрузился в круговорот праздничных дел.

Посмотрев с гостями небольшой концерт, отужинав на великолепном банкете, Смирнов, вместе со всеми гостями направился в концертный зал, где начинался карнавал. Желающие могли пройти в специальные комнаты, где им предлагались карнавальные костюмы и маски. Вся публика была изрядно навеселе, и многие пошли переодеваться.

Смирнов, из-за долгого отсутствия своего неожиданного гостя, стал думать о демоне. Вот и сейчас, остановившись у края зала, и опираясь плечом на стену, он стал рассуждать:

– И почему он появился? Вроде умирать я не собираюсь. Живу как все. Ну, есть грешки, конечно, но кто сейчас без них? В наше время, мои грешки – тьфу! Мелочь! Вот если взять повыше... В его голове почти мгновенно пронеслись воспоминания о некоторых «грешных» делах больших чинов, крупных бизнесменов о которых он знал многое.

Немного подумав и поразмышляв, над случившимся сегодня с ним невероятным событием, Смирнов слегка заскучал, после такого происшествия особо не повеселившись.

– Скуча-аем, Анатолий Михайлович? – раздался знакомый голос сбоку, со слащавым оттенком.

– Скучаем – обречённо согласился Смирнов.

– А хотите, я Вас развлеку – вновь проговорил Аманурель.

Смирнов вопросительно повернулся к собеседнику.

– Возьмите эту забавную маску. Скажу больше: я Вам её дарю! Она показывает истинное лицо людей в духовной градации Высших сфер. Возьмите – не пожалеете.

Смирнов взял маску, и пробормотал:

– Спасибо. И что, прямо сейчас её можно одеть?

– Конечно, одевайте, посмотрите, как удивительно устроен ваш мир.

Смирнов расправил маску и натянул на глаза. Сначала, в полумраке, рассеиваемом светом разноцветных прожекторов, через узкие щели маски он не увидел ничего необычного: те же танцующие фигуры в карнавальных костюмах. Он вопросительно повернулся к демону, и волосы дыбом встали на его голове. Он увидел крупного волосатого чёрта со всеми присущими для него атрибутами: страшноватая рожа с рожками на голове, козлиной бородкой и крупным горбатым носом и подёргивающийся позади хвост с кисточкой на конце.

– Да не смотрите Вы на меня – сморщив нос и, неестественно широченно улыбаясь, сказал Аманурель. – Вы приглядитесь к публике. Вот, к примеру, господин генерал из наших со своей супругой – он развернул за затылок голову Смирнова. – Ка-акой красавец. Он в области крышует многих наших подопечных.

Смирнов, невольно взглядевшись на проплывающую в танце пару увидел какого-то страшного уroda, напоминающего людоеда с огромным ртом и выступающими вперёд зубами. Его руки были огромны, и они обнимали какое-то махонькое существо с крысиным личиком.

– А вот этот господин, тоже с супругой... – он опять чуть развернул голову Смирнова. – Этот организовал финансовую пирамиду и, кроме того, он прекрасно разводит по процентам в своих банках...

В вальсе проплывали два на вид обыкновенных человека, только довольно толстых. Когда они приблизились, Анатолий Михайлович увидел два белоснежных бесстрастных лица. По краям верхних губ у каждого он заметил крупные клыки.

– Вампиры! – подумал он. – Это как возможно?! Настоящие вампиры! Жуть просто...

– Или вот тоже очень забавная пара – продолжал Аманурель – Господин местный чиновник. На Смирнова, сквозь щелки маски, выплывая из темноты, выкатился большой уродливый получеловек – полуспрут, который щупальцами охватывал уродливую корову с большими рогами.

– Этот уважаемый в известных кругах чиновник подмял под свою семью почти весь областной бизнес, захватил огромное количество земли, «пилит» бюджетные деньги – в общем, это эталон нашего замечательного круга.

– Дак, это, получается, – пробормотал Смирнов, – что все поражены какой-то болезнью?

– Почему же болезнь? Отнюдь! Наоборот! Это элита! Вы, что хотите, чтобы быдло и кухарки стали элитой? Это же просто энергия, энергия силы делает некоторый вид в духовных сферах, но, сами понимаете – победителей не судят!

Вообще, – продолжил Аманурель – тут есть представители всех сфер деятельности. Чувствуется, что мои коллеги хорошо поработали. О-очень однородный коллектив. Все друг с другом очень тесно связаны. Вот в этом-то наша сила.

Аманурель на миг затих. Похоже, он был счастлив от созерцания этого большого количества уродов и тварей. Анатолий Михайлович же весь дрожал, по лицу струились крупные капли пота. Дрожащим голосом он спросил Амануреля:

– А что, нормальных среди них нет? Неужели все люди такие?

– Это – как раз нормальные! Да... К сожалению, есть и другие, – как бы вспомнил демон, – попадаются даже среди этих кругов ещё немало реликтов. Мы, конечно, работаем с ними. Радует, что очень многие стремятся войти в наш круг, и мы им всячески помогаем. Как, например, Вам – слащаво проговорил Аманурель.

Смирнов резко обернулся на демона и проговорил несколько обиженно:

А кто Вам сказал, что я стремлюсь войти в Ваш круг?

Улыбка Амануреля стала еще больше. – Анатолий Михайлович, Вы прямо как невинное дитя. Вспомните только о последних тендерах и договорах с вашими аффилированными подрядчиками. Сколько Вы лично заработали, не уточните? А взятка сами знаете кому за закрытие дела по скандалу с вашей продукцией?

Смирнов нахмурился и даже не стал отвечать на вопросы. Внезапно, перед ним прошла молодая женщина с абсолютно нормальным человеческим видом. Он даже чуть не пошёл за ней, но демон придержал его за локоть:

– Не сто-оит. Не обращайтесь внимания. – Заявил тягучим обиженным голосом Аманурель. Это единичный экземпляр. Это просто молодая журналистка. У неё всё впереди. Вот увидите, она войдёт в нашу компанию. Он даже обиженно засопел.

– Нет, всё! Надоело! Я не могу больше на это смотреть – громким голосом сказал Смирнов. Он сдёрнул маску и повернулся к демону. – Я не могу это видеть – повторил он. – Мне кажется это просто обман. Виртуальный шлем.

Смирнов стал более внимательно изучать маску, зачем-то просунул в пустую глазницу палец, затем во вторую. Осмотрел всю поверхность маски, но так и не обнаружил ничего электронного или просто особенного и необычного. Это была вполне обыкновенная раскрашенная маска с лицом не то паяца, не то арлекина. Что-то среднее между ними.

– Да, ничего Анатолий Михайлович, скоро привыкните. Вы все увидите и поймете, что это совсем не виртуальная реальность, а самая что ни есть реалистичная. Смотрите чаще в эту маску, и постепенно Вы поймете, кто в этой жизни решает всё и у Вас будет всё хорошо. Вы поймёте, что лучше быть со всеми вместе, чем быть одному изгоем. Изгой никогда не добьются вершин власти, так что принимайте решение скорее, а мы Вам всячески поможем. Вам очень важно сделать первый шаг, а потом всё пойдёт как по накатанному. Для этого надо будет сделать только одно: дать нам окончательную и бесповоротную клятву на крови. Когда будете готовы к этой клятве – только подумайте об этом и мы Вас найдем. Непременно найдём.

Аманурель дружелюбно улыбнулся и продолжил, философствуя:

Жизнь – мерзкая штука, так что прожить её надо ярко. Берите от жизни всё, Анатолий Михайлович, не стесняйтесь, а если чего-то не будет хватать или помощь какая потребуется – обращайтесь к нам. Это делается очень просто: назовите трижды Имя нашего господина, и я

прибуду. Я прикреплен за Вами. И не забывайте, что эту маску я Вам по-да-рил. – Сказал он по слогам.

Он закинул руку за спину и, кряхтя от удовольствия, почесал себя между лопатками:

– Ну, мне пора господин Смирнов. Пока. – И демон мгновенно исчез.

Смирнов был крайне подавлен. Он тихо двинулся в сторону выхода на свежий воздух. Он испытывал слабость и головную боль. Протиснувшись среди веселящихся пар, он вышел в фойе, зашел в пустой угол и прислонился к колонне спиной. Он был опустошен. Ему совершенно не хотелось понимать, что же с ним всё-таки произошло. Подняв взгляд, он увидел своё отражение в зеркале стены фойе. На него смотрел измученный тридцатилетний мужик в отличном сером костюме и замечательно переливающимся галстуке. Простояв несколько минут, поправляя волосы перед зеркалом, его вдруг осенило:

– Постой, а кто же тогда я!?

Он поспешно полез в карман и достал волшебную маску. Развернув, он быстро натянул её на голову и стал смотреть в зеркало... В зеркале он ничего не увидел. Он снял маску, увидел своё отражение.

– Да, есть!

Затем он снова надел маску и опять никого не увидел.

– Нет!

Он проделал это несколько раз, под разными углами изучая свое отражение, но...

Он снял маску и задумался:

– Так вот значит, что – его осенило. Я – никто? Не человек и не тварь, я – никто.

Он вышел на улицу, взял такси и поехал домой. В дороге он стал думать, так, кем же ему быть: человеком или тварью? Выбор оставался за ним.

Про жизнь

Я постучался.

– Войдите!

– Извини, я немного опоздал из-за дороги.

Она приветливо улыбнулась и тихим, бархатным голосом и сказала в ответ:

– Ничего. Все люди часто опаздывают или не успевают.

В комнате было не светло и не сумрачно, было как-то привычно, обыкновенно. Была полная уверенность, будто этот дом из прошлого, и он нашей семьи.

Присев в кресло у стола, я отметил, что оно казалось очень уютным и вообще, обстановка в комнате была какой-то до боли знакомой, хотя я был здесь в первый раз.

Она сидела напротив меня, поставив локоть на стол и изящно оперев своё милое личико на руку. Я посмотрел в её серо – голубые глаза, в которых был виден интерес и внимание.

– Ну, и про что мы будем говорить? – спросила с хитринкой она.

– Не знаю – ответил я – наверное, про любовь и чувства.

– Ты уверен?

– Да. Мне кажется, мы ведь для этого... собрались. Без любви нет жизни. Но можно сказать и, наоборот: «без жизни – нет любви».

Она мило улыбнулась.

– Хорошо. Ну, а какой смысл ты вкладываешь в слово «жизнь»? Это некая альтернатива слову «блага»? Или это, по-твоему, процесс во Вселенной?

Я невольно ухмыльнулся:

– А ты, оказывается, ещё и очень любишь пофилософствовать и вообще рассудительная.

– А как же, – её глаза стали еще более выразительными, а улыбка больше – для того мы и встретились, чтобы понять друг друга полностью.

– Ну, да. А, «без жизни – нет любви» объясняется просто: если человек не будет полноценно, насыщено жить – не будет любви, да и, собственно, других человеческих чувств. Но любовь, я думаю, это – главное, основа жизни...

Она прикрыла свои красивые глаза и произнесла как-то тихо, почти шёпотом:

– Да, любовь это и есть сама жизнь, это непреодолимая тяга к духовному и физическому слиянию, это «поле счастья» в результате которого и рождается новая жизнь и прогрессирует текущая. От того, какая это любовь и зависит понятие «сама жизнь».

– Как ты точно определила.

Я задумался. Она молчала и, мило улыбаясь, поглядывая на меня: «Мол, твой ход»...

– Но ведь любовь может быть разной! – воскликнул я в озарении. – Это, может быть просто кратковременный порыв страсти или чувства на всю жизнь любимых. Это может быть просто близость тел или это духовное слияние душ! В конце концов, это может и просто родительская, дружеская, родственная любовь, которая у всех нормальных людей есть.

– Конечно. Но это тоже движение жизни, тоже великая созидательная энергия, в отличие от «стирающей» энергии ненависти, зла...

Она посмотрела прямо мне в глаза, и я увидел, словно самую бесконечность звёздного неба, которая заканчивалась где-то там, вдали, чёрным, приближающимся в моё сознание зрачком... Я выключился.

*

Это продолжалось уже почти час. Лаконичные и чёткие команды раздавались в отделении реанимации как-то по-особому напряженно. За пределами медицинского блока слышался ритмичный, тревожный звук аппарата искусственной вентиляции легких.

Зоя Васильевна устало поставила ведро и подошла к Машеньке, к столу медсестры реанимационного отделения.

– И как он? – спросила она медсестру.

– Да тяжелый он, тётъ Зоя, – говорят: пятьдесят на пятьдесят. Такой удар и ожоги...

Зоя Васильевна, уже в который раз за час, почти скороговоркой, рассказала подробности Маше:

– Надо же, ведь двоих спас. Говорят, четырёх и пяти лет ребятки. Мальчик помладше, а девочка старшенькая... Прямо с полымя их выхватил... Вытащил из-под кровати, обмотал одеялами и в окно их и только пожарникам передал и сознание потерял, еле вытащили...

– Тётъ Зоя, да знаю я.

– Молиться надо за него. – Зоя Васильевна перекрестилась уходя. За тихим шарканьем её ног было слышно тихое бормотание слов молитвы.

*

Таня стояла одна в коридоре. Слезы то и дело набегали на её лицо, и она тихо утиралась платочком.

«Господи, помоги, нам... Спаси его, он же спас детишек...» – мысленно думала она.

Её серо – голубые глаза потускнели от слёз и горя. Буквально позавчера, они решили стать мужем и женой. Они думали о бесконечном счастье во взаимной любви и согласии. Они встретились случайно, но во время первой встречи, её сердечко ёкнуло и заволновалось. Она почувствовала особенное чувство общности, чего-то близкого и родного рядом с ним. И чем больше они встречались, тем сильнее были её чувства. А когда выяснилось, что эти чувства взаимны, то её радости не было границ. Это и было окрыляющее, вдохновляющее, счастливое чувство нежной и трепетной долгожданной любви.

«Я согласна, сама отдать жизнь, Господи, если никак по-другому не получится, за его жизнь...», – плакала Танечка.

*

Я вновь увидел её... Да, точно это она. Сидит за столом и мило улыбается. Я бы сказал: с любовью. Её ласковый взгляд серо-голубых глаз из-под пушистых ресниц как-то успокаивал и вселял какую-то уверенность. Я мучительно думал, почему именно уверенность? Мы же с ней говорили о жизни и о любви?

– Ты вернулся, – сказала она тихо и нежно, – я очень рада, что ты вернулся.

– Ну, да, я, собственно, не уходил. Но ты мне скажи, – продолжил я горячо, – всё-таки, мы с тобой говорили... Ты же помнишь? Мы говорили, что жизнь это -любовь, а любовь это – жизнь!

– Да, ведь, я тебя люблю, – сказала неожиданно она, – и ты сам всё понял и про любовь, и про жизнь. Я твоя судьба. Возвращайся...

*

Я проснулся от яркого света. Понял, что лежу в какой-то странной кровати, ощущение, что я в невесомости – не было одеяла или матраца, я находился будто в воде. Лицо было стянуто повязкой и было везде больно, но боль была тупой и вроде терпимой, во рту держался странный привкус. Стали моментально всплывать воспоминания того вечера, когда я случайно проезжал мимо пожара в старом бараке на окраине города.

– Ну, что ж, батенька, – раздался рядом голос, и я увидел склонившееся ко мне лицо человека в белом халате с академической бородкой. – Вы в рубашке, как говорится, родились. При таких сильных ожогах Вы всё-таки с трудом, но выкарабкались с того света.

– А где я?

– Вы в госпитале. В военном госпитале. Вас привезли на вертолете.

– Вы доктор?

– Не похож? – улыбнулся доброй улыбкой врач.

– Да я ничего не помню и спасибо Вам огромное, доктор – сказал он медленно и немного с трудом.

– Пожалуйста. Но это работа у нас такая. Вы пока много не разговаривайте.

– Хорошо, доктор.

– А Вас спасла, наверное, Ваша девушка. Она почти здесь жила и очень просила за Вас. Вот ведь умудрилась меня найти и попросить. Сказала, что очень-очень любит Вас и умрет, если Вы погибните. Пришлось мне втройне при Вас работать... Шучу.

У меня почему-то тотчас всплыли в памяти эти последние видения или сны, и, как бы странным это не показалось, я ответил доктору:

– Да, я встречался с ней во сне, похоже... Это была моя судьба, которая меня любит. Она меня очень поддержала своей любовью и теперь твёрдо знаю, что любовь – означает жизнь.

– Эх, романтики вы романтики, – сказал как-то мягко доктор. – Только с того света выкарабкался, и сразу про любовь и про жизнь. А многие начинают про смерть говорить... Ну, а вообще это правильно, судьба любит тех, кто любит жизнь и, кто бережно носит в сердце любовь. Давайте, выздоравливайте!

Сруб

Они сидели рядом на скамеечке возле дома. Одна из них, Мария Егоровна, сидела прямо, опираясь ладонями в скамейку. Другая, соседка по улице – Евдокия Степановна, сидела, согнувшись, положив локти на ноги, свесив сомкнутые руки над коленями. Они сидели и спокойно размеренно разговаривали. Неподалёку от дома, у соседней Егоровны стоял новый, пахнущий смолой сруб. Он резко выделялся своей янтарной желтизной брёвен и идеально ровным расположением над поверхностью земли, на фоне серой однообразной линии старых перекошенных домов, стоящих вдоль улицы. Сделан сруб был замечательно, брёвнышко в брёвнышко лежали без зазора, плотно.

– Банька будет – сказала Егоровна. – Ладно срублено-от.

– Хорошо – согласилась Степановна. – Федосеич ещё могёт рубить то – вон как сладил. В лапу рубил, иж, гладенька кака.

Маленькая пауза в разговоре, образовавшаяся видимо в результате любования срубом, нарушилась вопросом Егоровны:

– А с какого он года то, Федосеич?

– Да с двадцать седьмого вродя, – ответила Степановна, – мой на три года младше был. Они ж оба с Покровского родом были. Дружили они с моим Иваном-то. Иван к нам с Покровского приехал в псяят пятом.

– Да-а, молодец Федосеич-от – сказала Егоровна – гли-ка, до сих пор робит...

А нонче молодежь-то и не хочет строить ничего, облянились совсем. Пиву им подавай, да ночью пошастать.

Степановна, пожевав губами, вдруг высказала:

– Да-а, молодежь нынче некудышна... Робить совсем не хотят, токма денег им подавай.

– Ну-у... А по телевизеру чо кажут – срам один. Голых баб мужики обнимают всяко-разно.

Егоровна поставила локти как Степановна на ноги, сцепив сухие жилистые ладони над коленками. Степановна, вдруг слегка улыбнулась и повернувшись к подруге, сказала:

– Ягоровна, а вспомня сама кака была. По молодости-то ты тожа горазда была. Сколь мужиков, поди, охмурила...

– Да ну, тя... – губы Егоровны образовали некое подобие улыбки, а глаза смотрели как будто далеко в прошлое. Немного помолчав, вспоминая, она вдруг ожила и продолжила беседу:

– Ты, Явдокия, тожа не лыком шита... Сама вспомня-ка председателя колхоза нашего Аникина... А энтот, как его...? На ток зярно возил на лошаде то...?

– Федька чо ли? – напоминала Степановна.

– Не... Федька-то как после войны пряшёл... Он тагды с Лушкой дружил с сорок девятого... Она ж подруга моя была. Знала всё я про них...

Степановна несколько удивлённо спросила:

– Так этта точно он с Лушкой тогда дружил?

– Да точно тябе говорю. Она по утрам раненько бегала к нямму... Матери-то грит на работу, мол, пошла, а сама к нямму... Он на отшибя жил от...

– А ты путаешь, поди, не мог он тагды с Лушкой встречаться...

– Да, вспомни, тогда ящё Аникина к нам и послали первый год он начал работать...

– Ай да кобель Федька-то. Гли-ка чё... – сказала Степановна нахмурившись.

В её голосе появились нотки обиды, и Егоровна, уловив интонацию, несколько удивлённо спросила:

– А тя чо так задело-то? Федька чтоль нравился тее?

– Да чё тыперь... Я ж тогда тож к Федьке бегала... Вечером. Пойду как на ферму, а сама к няму заходила... Парней тагда совсем небыло в дяревне.

– Во те на – удивилась Егоровна – Ай да Федя... Да как скрадывал-то он неприметно...

– Да боязно было конечно – ответила Степановна – Страшно было... А любил он крепко. Как схватит... Силища была...

– Да-а-а... Я тож знаю... – Егоровна поддалась настроению подруги, и глаза обоих как бы на миг просветлели от воспоминаний юности.

Диалог утих. Они как будто ещё более сгорбились. Всё их внимание было сконцентрировано на этих воспоминаниях. Их сморщенные лица обдувал ласковый летний ветерок, даря им чувство приятной прохлады. Они сидели и смотрели на сруб, на это творение рук человеческих, которое вызывало в них радость, так как, по их пониманию, если рубятся срубы, то продолжается жизнь. Жизнь в их простом и сложном мире.

– Явдокия, а жисть наша как сруб, переплетена вся... Держимся друг за друга крепко, родны все... – нарушила тишину Егоровна.

– Чо Маша и грить-то... Просто время трудное было... Но нячо, выжили же, слава Богу, дятей вырастили – ответила ей Степановна.

Загадочная планета (юмористическая фантастика)

Негг, никогда не встречал такой необычной планеты. Очень странной. За время путешествия во вселенной за пятнадцать Гаггерианских циклов, ему и второму Страннику по имени Узза пришлось первый раз серьёзно поломать голову. В горячей полемике они даже чуть не объявили друг другу какку – обет неприятия. Этот древний обет гаггерианцев был, пожалуй, одним из самых трудных. При его объявлении кем-либо из жителей, в отношении другого они, в течение цикла, не могли сливаться в медитту – Духовный Контакт друг с другом. В условиях космического путешествия это испытание было крайне тяжёлым. А всё началось с того, что когда, делая очередную опись планеты с формами жизни, они столкнулись с очень необычным видом. Негг, имеющий опыт путешествий в сто двадцать циклов отнёс этот вид к неразумным, тогда как Узза, имеющая всего девяносто два цикла, заявила о том, что этот вид обладает разумом.

– Госпожа Узза – мелодично провибрировал голосом Негг, – обратите внимание на чисто рефлекторное поведение этих оббов (так они называли спорный открытый ими вид формы жизни). Вся их деятельность направлена на продолжение рода, у них нет Высших целей. Вы же сами знаете, согласно закону «Об установлении форм инопланетной жизни» Империи Гаггериия, та разновидность форм жизни, которая не обладает Высшими целями, не может быть классифицирована как разумная. В данном случае, Высшие цели явно отсутствуют.

Госпожа Узза, перебирая многочисленными ногочлениками, приблизилась к Неггу:

– Господин Негг – немного резковато ответила она, – вспомните экспедицию Эргга, кода после стирания неразумной формы на планете Боорг, ревизионная комиссия Межпланетных исследований, изучив отчёты экспедиции, лишила Эргга права Странника на сто циклов и это несмотря на то, что наша цивилизация крайне нуждается в свободных планетах.

– Да, нет же! – довольно нервно и громко, даже пощёлкивая щетинками головорта, сказал Негг. – Вся деятельность этих оббов, просто разновидность сложной рефлекторной формы поведения. Обратите внимание госпожа Узза, всё, что создали эти оббы за тысячециклиа в формировании Высших целей – это сложное рефлекторное поведение в области размножения. Вспомните эксперимент с реакцией Дуггера, когда мы раскодировали зетта-сигналы их неполноценного мозга. У всех здоровых особей любого пола, половозрелового возраста, мгновенно возникали побуждения к размножению, когда мы помещали к ним обнажённую особь противоположного пола. Вспомните показания зеттометра. Нам пришлось переключать входные каналы на минимальную чувствительность, так как блок-анализатор известил о превышении диапазона измерения их нейронных сигналов в реакциях каналов органов размножения.

– Вы забываете историю господин Негг. Наша цивилизация тоже не сразу пришла к Высшим целям. На заре её развития нам также приходилось, страшно сказать, почти каждый микроцикл делать ттрах. Мне стыдно об этом говорить, но тогда это было необходимо. Те яйце-кладки, что два раза в год оставляла древняя гаггерианка, постоянно подвергались нападением хищных волггов, и даже жалкие курры и те норовили разорить детские гнёзда древних гаггерианцев.

– На заре нашей цивилизации, это действительно было необходимо, но не забывайте – сказал выразительно Негг, пощёлкивая челюстными пластинками головорта в знак особой важности сказанного, – что уже в те далёкие времена появлялись первые признаки медитты – Высшего Духовного Kontakта. Кроме того, Вы сами знаете, что у гаггерианцев, как только появились первые орудия труда и зачатки культуры, вошёл в практику оббет – обязательство иметь одного супруга до конца своей жизни. А посмотрите, госпожа Узза, что творится у этих жал-

ких космических сорняков – оббов: за их мегацикловую историю они практически не изменились, вернее, изменились в худшую сторону. Как только у них появились первые признаки медитты, в виде её жалкого подобия, ими обозначаемого в виде рефлекторного поведения: культура, религия, искусство, так сразу же в их жизнедеятельности стали появляться дополнительные, преступные признаки тотального размножения, запрещенного у нас под страхом космической заморозки. Посмотрите, насколько насыщены их мысли о тотальном размножении. Каждая здоровая особь буквально каждый минимикроцикл думает о таинстве трахх. Более того, их половые рефлексы направлены даже на особей одного и того же пола, даже на другие формы жизни и страшно подумать – на безжизненные предметы! Даже у булыжной формы жизни с планеты Каммена и то размножение обусловлено только определёнными состояниями метаболизма в определённые фазы и только с определённым конгломеративным партнёром. И, кстати, даже у них есть признаки Высших Целей, определяемые у них как скалла и моннолит.

– Г-г-а-г-г – раздался горловой звук Уззы, показывающий признаки нетерпения, некоторого несогласия и лёгкого раздражения. – Вы, господин Негг, как всегда крайне максималистичны в своих мнениях.

Узза несколько раз подпрыгнула, выражая волнение, и продолжила:

– Космическая история не однократно доказывала, что многие внегагерианские разумные формы жизни развивались крайне неравномерно. Нельзя же судить о других формах только на основе нашей великой цивилизации. У оббов только формируется разумная жизнь, и если мы сотрём эту планету, то можем нарушить Великое космическое равновесие в данной галактике.

Узза ещё несколько раз подпрыгнула, и прощёлкала щетинками на конце изящного хвостика.

– Ну-у, это уже слишком! – подумал Негг. – Она мне, опытнейшему Страннику, будет ещё и показывать пренебрежение!

Панцирь на щеках стал лиловым. Это показывало крайнее раздражение, и даже злость. Он слегка закрутился как в танце, раскачивая глазными антеннами и сквозь распиравшее его чувства крайнего раздражения, произнёс:

– Госпожа Узза, Вы так и норовите устроить нам какку, но я не поддамся на Вашу провокацию, давайте все материалы, собранные на этой планете, передадим в Научный Совет. Пусть они нас рассудят. Гагерианский устав Космостранников допускает это в случаях разногласий экипажа по поводу стирания планеты.

– Да, я согласна! – с готовностью, потаённой радостью и даже с чувством достигнутой победы ответила Узза. – Так будет справедливо.

Узза, с шелестом развернулась и с гордостью пошла в свою норк-каюту, перебирая многочисленными ногочлениками. Извиваясь по длинному коридору корабля, она, где-то глубоко у себя в подсознании вдруг осознала, некий далёкий позыв, тайное желание, которое заговорило в ней, когда она спорила с Неггом и которое, быть может, спасло эту безобидную планету от стирания. Всё чётче возникала в её голове крамольная мысль свить уютненькое детское гнездо из шкур и костей диких уппов, где она отложит большое количество маленьких лиловых яичек и откуда вылупятся с три десятка малюсеньких гаггерчика... Она остановилась, несколько раз подпрыгнула, пытаясь заглушить в себе дурные мысли, подумала о Высших целях, и, уже с ясной головой продолжила путь.

Её лирическое настроение, даже после крупной ссоры, возникло неспроста. Те пятнадцать циклов, которые они путешествовали и однообразии Духовных контактов, не смогли загасить древний инстинкт продолжения рода, а напоминание о нём, в присутствии коллеги противоположного пола и увлекательное изучение особенностей новой формы жизни, которая явно преобладала на своей планете над другими формами путём активного размножения – разбудили в её подсознании древнее чувство.

Негг, когда Узза с шелестом ушла, с раздражением несколько раз подпрыгнул, в задумчивости погрыз левую клешнеруку и стал успокаиваться.

– В конце концов – подумал он, – нам вместе перемещаться в космосе еще целых пять циклов, а без Духовного контакта можно будет сойти с ума. Надо всё равно помириться.

Он пошёл в рубку управления, чтобы задать новый маршрут в новую далёкую галактику, для поиска подходящих планет, ведь когда наступит пора неловкого, очень стыдного, но необходимого периода продолжения рода гаггерианцев, вся планета превратится в большой детский сад и новые планеты будут так необходимы для дальнейшего расселения юных жителей.

Зайдя в рубку, Негг залез в командирское кресло, застегнулся ремнями и подключился к биокомпьютеру. Он стал набирать координаты следующей галактики. Через несколько секунд, после объявления готовности старта, корабль налился ярко синим цветом и резко взмыл прочь в бесконечные просторы Вселенной.

*

– Ой, Димка, смотри НЛО полетело – закричала Надя, прижавшись плотней к своему спутнику и показывая пальцем в небо.

– Слушай, точно – ответил на миг замерший от удивления Димка. – Похоже. Наверно точно НЛО. А говорили, что всё это ерунда...

Они ещё постояли несколько минут, глядя в ночное небо, а потом присели на скамейку в парке. Димка обнял Надю, и она тесней прижалась к нему, слегка надавливая его в бок мягкой упругой грудью. Димка ощутил её нежное тело, заволновался и начал шептать её что-то ласковое. Его рука непроизвольно легла на Надину коленку, затем поползла по ноге вверх. Их губы слились в теплом мягком поцелуе. Тела плавно легли на скамейку. Единственная посторонняя мысль, которая мелькнула в те мгновения в Димкиной голове, была:

– Да пусть сотня НЛО приземлится рядом, мне всё это по барабану.

Старая дева

Звонок в дверь прервал мысли Владимира Ивановича.

– Кого там ещё принесло? – подумал он.

Нехотя встав с дивана, он прошёл в прихожую и заглянул в глазок двери.

– Зоя Степановна, с каким-то подносом закрытым – рассмотрел он – Надоела уже. Заняться ей нечем. Была б семья – водилась бы с внуками да правнуками и не лезла в чужую жизнь.

Открыв дверь, он, опередив соседку, спросил:

– Что хотели, Зоя Степановна?

Зоя Степановна улыбнулась и приветливо сказала:

– Владимир Иванович, простите великодушно. Скажите, Ниночка дома?

Владимир Иванович, был несколько раздражён и специально не приглашал соседку в квартиру, ему все надоели и, хоть в выходной, хотелось побыть одному, тем более жена что-то делала на кухне, а дети уехали в гости к бабушке.

– Проходите, Зоя Степановна – раздался сзади голос жены – Проходите, я Вас чаем угощу.

Владимир Иванович, развернулся и ушёл в комнату, а Зоя Степановна прошла на кухню, где сразу же завязалась оживлённая беседа между женщинами.

Упав на диван, Владимир Степанович подумал о том, как порой странно складывается судьба человека:

– Вот, к примеру, та же соседка при всём своём возрасте, она неплохо сохранилась – стройная, хорошая осанка, глаза с чистотой голубого неба, весьма не глупа, а так она и осталась старой девой – она жене сама рассказывала про свою жизнь. Во времена её молодости, понятно, всё по-другому было. Она строила многие ГРЭС, затем работала где-то в НИИ в отделе, а потом ушла на заслуженный отдых. Отдала себя всю работе, так сказать, и осталась одна-одинёшенька. Кому она сейчас нужна?

Владимир Иванович хмыкнул про себя, взял пульт и включил телевизор. У него явно было неважное настроение.

В прихожей опять мелодично заиграл звонок.

– Жена пусть открывает – подумал Владимир Иванович.

– Ниночка, привет! – раздался громкий знакомый жизнерадостный голос. О! И Зоя Степановна здесь. Здравствуйте, здравствуйте!

– Хм, неужели Колян приехал. Ну, хоть что-то радостное в этой жизни – подумал Владимир Иванович, встал с дивана, и, слегка улыбаясь, пошёл встречать гостя – Проходи Николай. Давненько тебя не видел.

Он был рад встрече со своим другом, бывшим коллегой по работе, который, в своё время, бросил всё и уехал в областной город искать счастье. Он его не видел уже года полтора.

Старые друзья слегка обнялись и пожали приветственно друг другу руки, затем Николай разделся, и они прошли в комнату.

– Рассказывай Володя, как дела? Как наша фирма? Ещё не обанкротилась? – сияя широкой улыбкой, спросил Николай чуть иронично.

Он уселся на диван, раскинув руки в стороны руки вдоль спинки мягкого дивана.

– Ну, как тебе сказать? Всё по-прежнему. Ничего нового, ковыряемся потихоньку – начал Владимир Иванович – Туранов на пенсию ушёл, вместо него шеф племянника взял – после института молодого пацана.

Открыв форточку, он закурил и продолжил:

– Колыванова сняли, за пьянку. Зарплату нам так и не поднимают – завод на ладан дышит...

Затем он ещё рассказал несколько мелких событий, которыми пропитана производственная среда обычного небольшого завода провинциального городка.

Во время их беседы, Владимир Иванович отметил про себя, что Николай стал значительно лучше выглядеть: улыбка не сходила с его лица, был прилично одет, вёл себя уверенно.

– Видимо на пользу пошло. – думал он. – На заводе его совсем заклевали, а тут смотри – сам орлом стал, крылья расправил. Вся эта тупая родственная братия проходу не давала. Умных у нас никогда не любили, а тут ещё и его характер беспокойный.

– А ты-то как? Наверно начальником цеха или отдела стал? – вставил вопрос Николай в образовавшуюся небольшую паузу в разговоре – Как-никак специалист ты отличный, с людьми умеешь работать. Помню, твои новаторские идеи в нашем кругу всегда коллектив будоражили.

Владимир Иванович опустил глаза, вздохнул. Николай задел самый больной для него вопрос. Как раз то, о чём он в последнее время думал, от чего страдал.

– Да нет, Коль, я всё там же. Сам знаешь, не люблю я прогибаться, показывать свою преданность и любовь. Для меня главное – дело, а на церемонии нет времени и желания. Так что я по-прежнему, ведущим инженером, скоро уж юбилей отмечу – двадцать лет на родном заводе – слабо улыбнулся Владимир.

– Да-а, – протянул Николай, – всё тот же застой. Эти бывшие партаппаратчики и чиновники только о своём кармане беспокоятся, а по работе – ноль. Они получают наслаждение не от творчества, а от процесса отдавать команды. Кайфуют от власти, так сказать. Я ж говорил тебе, поедем вместе. Я уже до заместителя директора дослужился. Работа интересная. Если голова на плечах, то карты тебе в руки. Сам знаешь, наших владельцев фирмы не интересуют семейные узы и дружеские связи в районной администрации, им работу подавай, немцы – народ практичный.

Николай придвинулся ближе к Владимиру, расслабленно сидящему слева от него, и продолжил:

– Володь, а тебе надо бы посмелей себя вести, с твоим-то опытом и знаниями. Или ты остался таким же идеалистом: чувство ответственности, тактичность. В наше время это уже архаизм, требуется напористость, где-то даже наглость, с работягами, жёстче сейчас надо.

Владимир встал с дивана и пошёл по комнате:

– Ты знаешь, я уже комплекую по этому поводу. На своей должности, при наших условиях, я уже выработал и выжал всё что мог. Стало даже как-то неинтересно работать. Ещё и зарплата – мизер. Тупик какой-то.

Он опять тяжело уселся на диван.

– Что-то радикально менять – уже тяжело, как-никак семья, да и привык я к своему заводу и городу – вздохнув, продолжил Владимир.

В комнату вошла Зоя Степановна, неся на подносе чай и тарелочки с кусочками торта.

– Володя и Коля, угощайтесь. От души стряпала. Вам здоровье будет и успех.

Николай и Владимир поблагодарили Зою Степановну. Николай придвинулся к столику, на который она поставила поднос, и сказал:

– Балуете нас, Зоя Степановна. Помню, и раньше Вы угощали нас отличными тортами.

Зоя Степановна благодарно улыбнулась, расставила на столе чашечки с чаем и блюдца с тортом и сказала:

– Кушайте дорогие мои на здоровье, – и пошла на кухню.

– Не могут старые люди без душевного общения, не то, что нынешнее племя – заметил Николай.

Он взял кружку с чаем, дольку торта и, поглощая сочный, ароматный и сладкий кусок, продолжал:

– Чувствуется в людях старой закалки какая-то сила. Не то идейные были, не то общая культура была высокой. Всё во имя человека, всё во благо человека! – произнёс Николай старый лозунг.

Прожевав изрядный кусок торта, Николай продолжил:

– Чувство коллективизма объединяло людей всех социальных положений, национальностей и полов. Не было индивидуальности. Вернее, не давали развиваться индивидуальности, всех – под одну гребёнку. Вот и повзростали идеалисты типа Зои Степановны. Хотя плохого про неё я ничего сказать не могу, душевная бабушка. Сейчас же, если у тебя мозги в порядке, без проблем и работу найти, и по службе расти.

Николай откусил ещё кусок торта и, прожёвывая, тихонько стал запивать чаем. Он ел с видимым удовольствием, причмокивая и облизывая пальцы.

– Да не всё так просто – заметил Владимир. – Ты рассуждаешь так потому, что ты имеешь работу по душе и оклад, наверняка солидный, а ты поставь себя на место простого инженера на убогом заводе. Слабо с нуля начинать?

Николай проглотил последний кусочек торта и, допив остатки чая, ответил:

– Ты Володь не обижайся, я же так, беззлобно.

Затем он улыбнулся и договорил:

– А то смотри, давай к нам перебирайся, нам спецы нужны, я тебе помогу и телефон тебе оставлю, звони – если что.

Он достал золотистую визитку из кармана пиджака и подал Владимиру:

– Ну, я побегу, я проездом тут у вас в командировке, по старым связям. Решил тебя навестить, узнать, как живёшь. Ты уж прости, что всё так спешно. Времени – в обрез. Ты звони.

Николай встал, прошёл на кухню, и до Владимира Ивановича донеслись громкие слова благодарности за чай, торт и тёплую встречу в адрес хозяйки и её гости. Владимир Иванович собрал блюдца и тарелочки и понёс их на кухню, подумав о прощальном рукопожатии.

Распрощавшись с Николаем, он опять прилёг на диван и, подперев рукой подбородок, бессмысленно глядя в экран телевизора, подумал:

– Колька – молодец. Устроил свою жизнь как надо. Только наверно чересчур деловой стал. Раньше всё же как-то ближе был. Как братишка родной.

Владимир Иванович слегка улыбнулся, вспомнив, как они весело проводили время, отдыхая семьями на природе, как они вместе с Коляном устраивали весёлые розыгрыши на работе.

Вспоминая молодые весёлые годы, Владимир Иванович немного успокоился. Затем, немного полежав, ему в голову пришла несколько странная мысль: – Ну что ж, наверно надо же кому-то в этой жизни быть старой девой. Видимо у нас с Зоей Степановной такая судьба.

Ухмыльнувшись, он повернулся на другой бок к спинке дивана и решил вздремнуть, после сытного и вкусного торта.

Осень

Медленно и неотвратно наступает осень. Утренними, прохладными и густыми туманами покрывает она остывающую землю. На деревьях появляется первая жёлтая проседь в их тёмной, и пока по-прежнему густой листве. Трава заметно сникла. Ярко-пёстрое летнее цветное разнотравье стало однообразно зелёного цвета с большими полями из кочек сухой травы и проплешин.

Наступает осень, и куда-то попрятались надоевшие за лето комары и назойливые мухи, и не стало слышно бодрого стрёкота кузнечиков. Дни стали короче, а серые и длинные вечера стали наводить тоску и скуку. Люди реже стали выходить на улицу, и только громкий лай собак, предчувствующих скорую зиму, нарушал тишину прохладных вечеров.

Они сидели рядом: он и она. Он, расслаблено откинулся на спинку дивана. Она сидела рядом, прижавшись к нему боком, обвив своими руками его руку и прислонив свою щёчку к его крепкому плечу. Уже был поздний вечер и тихо работающий телевизор в полумраке комнаты не нарушал их спокойный отдых. Им было хорошо и приятно просто так сидеть рядом. За многие годы совместной жизни они хорошо чувствовали настроение друг друга и сейчас в этот вечер испытывали друг к другу простую искреннюю нежность: он – по-мужски сдержано, она – открыто и преданно.

– Ты знаешь, я всё беспокоюсь – как там наши детки, как Сашка? – тихо сказала она – Наташа звонила, что у него уже третий зубик вышел... Я бы, так хотела с ним повидаться, на ручках подержать. Ведь большой стал уже...

– Да у них всё нормально должно быть – сказал он – У Егора хорошая работа, семью он обеспечит, да и к Наташке он прекрасно относится... Всё ж у них там Большая земля.

– Я просто соскучилась. В последнее время что-то такая стала сентиментальная.

Он чуть улыбнулся и, слегка прижавшись губами в её пышные, со знакомым чудесным запахом волосы, проговорил шутливо:

– Стареешь, однако, милочка.

– Да не без этого дедушка – она в ответ улыбнулась – Ты на себя посмотри, затылок как у старика, седой весь.

– Ха. Да я ещё любого молодого за пояс заткну... или не так?

– Да заткнёшь, заткнёшь. Закалится в боях-то за северный газ. Сердечко уж пошаливает.

– А что седой, так это мелочи – издержки Севера, да и работа, какая – сама знаешь. У нас все вон, после тридцати уже серебром покрываются. Кстати, серебро – благородный металл, раньше даже из него деньги делали.

– Да крепкие вы ребята, крепкие, но что ни говори, а времечко летит мгновенно... Ещё вроде совсем недавно мы с тобой сюда приехали, как говорилось, по велению сердца, а незаметно уже и внуки появились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.